

ПИСЬМА МАТВЕЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ЦАПЛИНА

Надо чаще думать о будущем,
чтобы прибавилось сил в борьбе...

М. К. Цаплин

Имя Матвея Константиновича Цаплина широко известно у нас. Это был пламенный революционер, талантливый организатор, председатель Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Военно-революционного комитета, член губкома большевистской партии, делегат II Всероссийского съезда Советов.

Родился Матвей Константинович в 1886 году в селе Сергеево Шуйского уезда Владимирской губернии. Пока отец был жив — учился, закончил четырехклассную школу. После его смерти Матвей становится главой семьи. Нечего было и думать им, беззрадным, прокормиться крестьянским трудом. Пришлось отправиться в город на заработки.

В Шуе на механическом заводе он сближается с большевиками, формируется как революционер, борец за справедливость, а в 1905 году становится членом большевистской подпольной организации. Под руководством М. В. Фрунзе Матвей Цаплин ведет активную работу по созданию боевых дружин, вместе с рабочими добывает и ремонтирует оружие, помогает обучать дружинников для боев на Красной Пресне.

В Иваново-Вознесенске развертываются всеобщие стачки и политические демонстрации. На митинге у реки Талки в мае 1905 года был создан Совет рабочих уполномоченных, предшественник нынешних Советов. К текстильщикам Иваново-Вознесенска присоединились рабочие Шуи, Кохмы, Тейкова, Лежнева и других фабричных центров. В. И. Ленин оценивал Иваново-Вознесенскую стачку как исходный пункт новой волны общероссийского движения. «Иваново-Вознесенская стачка, — писал он, — показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих...»*

После подавления декабрьского вооруженного восстания начались аресты, ссылки. Не миновал этой участи и М. К. Цаплин. 5 марта 1906 года он был арестован и вскоре выслан в Нарымский край. В ссылке М. К. Цаплин продолжает пополнять свои знания — упорно изучает труды Маркса, Ленина и другую нелегальную литературу. В декабре ему удалось бежать. Жил он после побега на яловых квартирах в Шуе, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Влад-

имире, Москве, вел революционную пропаганду среди рабочих.

Публикуемые письма М. К. Цаплина относятся как раз к этому периоду его нелегальной жизни — 1906—1907 годам. Матвею в то время было 20 лет.

Двадцать лет — возраст юности, выбора жизненного пути. Революционеры-большевики были духовно на много старше своих лет, потому что они вынесли жестокие испытания, воспитавшие в них мужество, непреклонность, великую веру в правое дело ленинской партии.

Но молодость, конечно же, звала их в прекрасный мир любви, ибо ничто человеческое им не было чуждо, обрекала часто на долгие разлуки, на трудную, неразделенную любовь...

Вот такая любовь выпала на долю Матвея Цаплина. Родители Кати были недовольны выбором дочери. Близость с «неблагонадежным», политсырьенным не входила в их расчеты. Да и сама она не смогла подняться до полного понимания тех идеалов, которыми жил Матвей.

Неотложность революционных дел и жизнь в нелегальных условиях с неустроенным бытом, с постоянными слежками, опасностями новых арестов не располагали к пространным душевилиниям любимой. Письма коротки, иногда отрывочны, явно спешны, многое в них говорится намеками. И тем не менее из писем постепенно вырисовывается незаурядность их автора. Матвей Цаплин в свои 20 искренен, эрудирован, мужествен. Он способен беззаветно любить, но откажется от такой любви, которая уводит его от революционной борьбы в лоно обывателяского «благополучия».

Юный Матвей хорошо понимал, насколько трагична и тем не менее нужна трудовым людям его настоящая «влюблённая» — революционная борьба, а потому и предпочел ее.

Пока не все обстоятельства и имена, упомянутые в письмах и связанные с подпольной революционной деятельностью М. К. Цаплина, поддаются точной расшифровке и толкованию. Эта задача — особой исследовательской работы. Тем не менее письма цепни для нас — они раскрывают черты характера Матвея Константиновича, его душу. И потому он становится для нас еще понятнее и притягательнее.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 314.

19 января 1906 года.

Милая Катя!*

Почему ты не даешь о себе никаких сведений? Что с тобой? Каковы отношения твои с родителями? Нет ли перемены в них? Если есть, почему я остаюсь в неизвестности, а неизвестность я вообще не терплю. Если все по-старому — тем хуже. Я не смогу быть покоен, пока твои «милые родители» выражают кулаками свою родительскую власть. Я тебе говорил, что возможность видеться с тобой я имею. Ты знаешь, что как только дело коснется этого вопроса, для меня уже не существует ни скверной погоды, ни времени неблагоприятного, одним словом, я сумею устранить все препятствия...

Вообще же скажу, что поведение твое по отношению к родителям и мне не нравится. Тебе следовало бы не возражать им и в один голос с ними ругать меня, или же действовать решительнее и, во всяком случае, не бояться идти со мной. А ты мне так нужна!..

Прощай, дорогая моя! Подумай относительно моего предложения. Ты ничем не рискуешь и как бы то ни было, все-таки избавляешься от побоев и бранни, которые и принимать и выслушивать, думаю, не совсем приятно.

Целую тебя. Матвей.

Завтра ты получишь письмо, следовательно, ответить не поспешишь до субботы. Тогда не нужно, в субботу увидимся. Если тебя не пустят, постараюсь увидеть в воскресенье. Не удастся, пиши, иначе я с ума сойду. Ты у меня отняла руки и голову...

2.

Даты нет.

Катя!

Нельзя ли нам увидеться, вероятно, в последний раз. Вчера был обыск, найдено три легальных книжки, за которые я нисколько не боюсь. Что скверно, так это то, что еще попалась агитационная речь, или иначе — прокламация, которую я написал сам. Прорвалился из-за неосторожности некоторых товарищ**.

Матвей.

3.

16 марта 1906 года.

Милая Катя!***

Во-первых, благодаря тебе, что пришла проводить. Ничего нет невероятного в том, что я видел тебя последний раз. В тюрьму попасть легко, зато выбраться из нее трудненько. Дело, видишь ли, в

* Написано за полтора месяца до ареста в Шуе.

** Матвей имеет в виду провал из-за опрометчивости Петра Викулова, с которым они жили на одной квартире. В проходной завода сторож при обыске обнаружил у Викулова в нагрудном кармане печать Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП. Думая, что это печать у него для подделки векселей и жаждая получить награду от хозяина, сторож сообщил о находке в полицию. Викулова арестовали, сделали обыск на квартире, о чем и пишет М. Цаплин в этом письме.

*** Письмо из Владимирской тюрьмы.

том, что если меня осудят суд, то вышлют в какую-нибудь губернию, например, в Архангельскую или Тобольскую. Если суд оправдает — тоже вышлют. Срок заключения, по желанию, понятно, не нашему — губернаторскому, могут продолжить хотя бы до бесконечности. Все зависит от власти победителей наших*, которые обыкновенно с пленниками не церемонятся.

Вечера проводим за чтением книг или газет, добываемых с большим трудом. Чаще всего происходят ожесточенные споры с (оциал)-д(емократов) и с (оциал)-р(еволюционеров).

В нашей камере 14 человек, большинство с (оциал)-р(еволюционеров), и мне приходится оппонировать почти против всех. Благодаря тому, что оппоненты мои не совсем сильны, победа пока оставалась на стороне с (оциал)-д(емократов), представителем от которых являюсь я.

В нашем корпусе много свободных граждан Александровской республики**, а в одиночке и сам президент Барапов. Говорят, очень симпатичный и остроумный человек. Его как-то посетил губернатор. Барапов преспокойно продолжал сидеть. «Вы бы, господин президент, потрудились встать», — замечает Леонтьев. «Обыкновенно губернаторы стоят перед президентами», — с достоинством говорит Барапов. Потом жалуется на недоброкачественность арестантской пищи. Губернатор возражает, что при посещении он сам с удовольствием пробует пищу. На это Барапов отвечает: «Да, я, Иван Михайлович, не теряю надежды, что Вы будете пробовать еще арестантскую пищу», намекая на превратность судьбы, которая может и губернаторов посадить на наше место.

Однако прости за болтовню. Теперь, во-первых, как твои здоровье, а потом, что говорят по поводу моего ареста все вообще и твои родители в частности? Мне, признаюсь, очень желательно получить от тебя ответ, хотя, предупреждаю, письма прочитываются предварительно прокурором. Потом вот еще что. Я хочу сказать, что ты не обязана по отношению ко мне ничем. Можешь располагать собой в полном смысле слова, я ничего не имею против. С моей стороны это было бы непростительно. А пока прощай.

Целую тебя.

Политический заключенный Матвей.

* После подавления декабрьского 1905 г. вооруженного восстания тюремы царской России были переполнены политическими заключенными. И с ними «победители» действительно не церемонились. Так, судебный процесс над лейтенантом П. П. Шмидтом и другими руководителями восстания на корабле «Очаков» длился всего две недели. Они были расстреляны рано утром 6 марта 1906 г. Накануне, т. е. 5 марта 1906 г., был арестован М. К. Цаплин, в марте 1907 г. — М. В. Фрунзе, в июне 1906 г. — Я. М. Свердлов, который, как и Цаплин, отбывал ссылку в Нарымском крае.

** Вероятно, Матвей Константинович имеет в виду политзаключенных, побывавших ранее в Александровской пересыльной тюрьме Иркутской губернии, где еще в 1902 г. под руководством Ф. Э. Дзержинского возникла «трехдневная республика». Политсырьные, вытеснив надзирателей за пределы тюрьмы, в течение 3 дней держали в своих руках пересыльную тюрьму. На одном из тюремных бараков взвился красный флаг с надписью: «Свобода». Политсырьные добились отмены некоторых ограничений, добились ускорения отправки на место поселения.

4.

20 марта 1906 года.

Милостивая государыня
Екатерина Константиновна*

Извините за беспокойство, до Вас есть просьба: не будете ли добры сшить две обыкновенные мужские рубашки, которые нужно сделать, т. е. сшить, хорошо бы к среде 22 числа с (его) м (есяца) для отправки во Владимир моему другу Мате. Если найдете возможным сшить и не составит это особого затруднения для Вас, то сообщите с подателем сего, в каком виде доставить Вам материал, т. е. скроенным или же прислать рубашку, по которой, может быть, Вы сами скроите, и в какое время Вам удобнее прислать, наконец, сколько стоит работа.

Кланяется он — М (атвей) Вам.

В ожидании Вашего приятного ответа. Н. Крюков.

P. S. В субботу был на весенушной в Ильинской, с целью увидать Вас и переговорить, но Вас не было.

ДОКУМЕНТЫ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ О ЦАПЛИНЕ И ДРУГИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАХ

Марта 21 дня 1906 года. г. Владимир.

Копия. Секретно**.

(господину) помощнику начальника Владимирского губернского жандармского управления по Шуйскому уезду. Ко мне поступило дело об Иваново-Вознесенском окружном комитете Российской социал-демократической рабочей партии...

Прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне, имеются ли у Вас какие-либо сведения о лицах, составляющих этот комитет, и об его деятельности.

Судебный следователь Владимирского окружного суда по важнейшим делам.
Подпись неразборчива.

Мая 24 дня 1906 года. г. Владимир.

Копия. Секретно.

Из приказа начальника Владимирского губернского жандармского управления***.

По рассмотрении в Особом Совещании... обстоятельства дела о содержащихся под стражей во Владимирском исправительном арестантском отделении крестьян Петре Викулове и Матвее Цаплине, обвиняемых в принадлежности к социал-демократической партии, г (господин) Министр Внутренних Дел постановил: выслать названных крестьян в Нарымский край, Томской губ (ернии) под гласный надзор полиции на четыре года...

Начальник Владимирского губернского жандармского управления
п. полковник Медведев.

* Написано Н. А. Крюковым, другом и соратником М. Цаплина по подпольной деятельности.

** ПААК КПСС, ф. 1061, оп. 3, д. 28, л. 8—9.

*** Там же.

5.

Даты нет.

Прощай, Катя!

Отправляюсь в Томскую тюрьму, Нарымский край. Матвей. Подробности после, попробуй побывать в тюрьме, если будет не поздно и разрешат.

В декабре 1906 года М. К. Цаплин бежал из Нарымской ссылки.

В Иваново-Вознесенске, Ярославле, Муроме, Шуе, Москве около года он проводил большую революционную работу. В этот период продолжается переписка, состоятся редкие встречи с Катей.

6.

Даты нет.

Моя дорогая!

Признаюсь, писать не хотел... Желательно было задавить все, что не касалось дела, к которому привязан не разбивающимися и не разрывающимися цепями...

(...) Интересно, насколько важно для тебя знать, где я и что со мной. Если для тебя это имело значение, ты могла узнать мой адрес, так как ты знаешь, что кое-кому я всегда его сообщаю.

И я не писал бы, если бы мог только. Условия, в силу которых весь мир ограничивается кружками, программой и тактикой, заставляют частенько задумываться. Внутри что-то кричит, настойчиво, неотвязно, с каждым разом сильнее и требовательнее. «Разве ты не хочешь жить? Разве только в этом жизнь? Неужели сердце не требует иного, на что имеют право все? А ты? А ты? Ну, разумеется, ты одной своей «влюбленной» верен*. Так еще это не значит, что другого можно пренебречь.

И знаешь, эта история повторяется ежедневно. Каждый день, как только освободишься, невольно мысль несется туда, где прожил немало счастливых часов. И странно, хочется вновь пережить их, уже новые. Когда же в праздники проходишь по улицам и видишь, как всюду дышит любовь, видишь, что улица полна ею, встречаешь парочку, четыре глаза которой поют: «Любовь, любовь», как стена тогда встает вопрос: «Почему тебе нет места в этом торжестве? Почему твой голос не присоединяется к гимну всемирной любви? И постараешься задушить поднявшееся чувство и идешь в кружок или на масленицу...

(...) Увидимся не скоро. Писать вздумаешь, адрес у Крюкова. Не сообщаю потому, что, во-первых, хочу, чтобы сама сумела найти его, а во-вторых, опасаюсь сообщить. Ты знаешь, что мои письма иногда получались тобой с опозданием. Возможно, что их вскрывали...

Матвей.

7.

Даты нет.

Моя дорогая!

Письмо только сейчас получил. Признаюсь, я расхохотался, взглянув на жука, который изображен на конверте. С чего ты взяла, что нужно изобразить какой-то «каббалистический» знак? А знаешь, ведь «кое-кого» такие значки могут ввести в

* Здесь и далее Матвей называет своей первой «влюбленной» революционную борьбу.

заблуждение и «кое-что» может поинтересоваться содержанием конверта, с изображением насекомого. Когда в приписке, как адресовать, я упомянул о необходимости подчеркнуть фамилию двумя чертами и стрелкой указал, как это сделать, я отнюдь не предполагал, что ты и стрелку намалюешь. Если ты уже написала еще, я не уверен, что получу. Кажется, и это письмо прошло через цензуру: марка совершенно отвалилась и заклеено оно плохо. Итак, наперед прощаюсь с теми новостями, которые ты обещаешь сообщить.

Да, я, вероятно, буду в ваших палестинах, только не так скоро. Постараюсь к июню, раньше едва ли. Существование мое здесь не тайна. На квартире уже побывали, но пока частным образом. Пишу из деревни, в городе жить нельзя.

Пущусь теперь в экскурсию в области предположений. Буду угадывать, что ты делала в праздники. Вероятно, в первый день ты в церковь ходила. А вот вчера, ручаюсь, на массовку не пошла.

Что я делал, тебе не угадать. Ты скажешь «ничего» и ошибешься. Эта неделя решит все: останусь ли я здесь, съеду ли в Выксу, или в Муром, а оттуда во Владимир, а потом... Потом — не скажу куда.

Да, кстати мне писали, что у вас плохо: слишком много будто бы архангелов и всех небесных сил*. Тогда придется обождать с приездом. Ведь от Новоконеволе придется к вам. Тут-то и попадешь. Через Москву — дорого. Не дадут столько денег. Кроме того, возможно, что не будет опять квартиры. Плохо еще — ночей нет. В общем, все будет зависеть от того, нужны ли работники в Ив. С.**. Разъезжать на свидания не позволят...

Матвей.

8.

Даты нет.

Дорогая Катя!

(...) До рождества я здесь не останусь. Дольше нельзя. Всезде уже меня узнали. Разумеется, ты не знала этого обстоятельства, да и сам я думал пробыть подольше. И вот приходится ехать в Москву, а может быть, и в Петербург, причем, возможно, что буду в Финляндии или на юге. Ты говоришь: «Боюсь подвергать себя опасности». Я скажу, что опасность на каждом шагу, и мой приезд сюда был уже риском, но на полдороге останавливаться не люблю. Буду или в четверг, или в пятницу. Поезд десятичасовой. На день, не больше. Потом уезжаю. Пошли кого-нибудь на завод. Нужно сообщить К(рюко)ву, а он поосторожнее это сделает дома. Место — дорога к кладбищу. Может быть, и раньше. Для домашних он знает то самое, что он когда-то предлагал. Может быть, найдутся место и квартира, то останусь дольше.

Обрати внимание на заклейку конверта.
До свидания.

9.

Даты нет.

Катя!

В понедельник вечером прибыл. Если можно, я хотел бы увидеть. Сколько времени проживу, сказать никто не может, так что желательно увидеть в

* Матвей имеет в виду жандармерию и полицию.

** Очевидно речь идет о социал-демократической организации Иваново-Вознесенска.

среду вечером. Разумеется, попозднее... Я буду в 9 часов. Итак, до свидания.

Матвей.

10.

Даты нет.

К(атенька)!

Могу ли увидеть в половине восьмого? Ответ с посланным. Жду. Если нет, то когда? День, время дня, поточнее. Всего лучше два дня назначь, иначе не знаю, буду ли свободен. В субботу и в воскресенье при всем желании не мог по причине уже известной: у вас было много гуляющих. При таких условиях не могу быть никогда.

Сердитый и злой.

Ответь обязательно с мальчиком. На конверте не нужно никакой подписи. Он передаст только мне.

11.

Даты нет.

Екатерина Константиновна!

(...) Я думаю почему-то, что между нами стала стена, хоть, может быть, и карточная, но все-таки стена. Не видаться целых семь месяцев, наконец, приехать и встретиться, как чужим. Как будто мы вчера только виделись, все между нами переговорено, осталось только спросить, где вчера был каждый из нас и как провел день. Признаться, все это мне кажется странным и отчасти неестественным. Чувствовал, что передо мной чужая женщина, и задавил в себе все, чем хотелось поделиться. Что это не та «одна», с которой так легко, свободно... во всем чувствуется какая-то фальшь.

Желание живой любви, желание знать, что есть человек, которому небезразлично, что делается с тобой, что ты переживаешь, наконец, мечты о том, что твои идеи, твои чувства найдут отклик в другом сердце — все это оказалось только желаниями, только мечтой, созданной, быть может, досужливым воображением человека-скитальца, позабывшего, что «тот говори любви конец, в разлуке кто пробыл два года безызвестно»*. Чацкий был, с одной стороны, прав, с другой — он ошибался, не нужно двух лет, достаточно и месяцев. Итак, вместе с Чацким еду туда, «где оскорбленному есть чувству уголок».

Я никогда никого не желал связывать, тем более не хочу Вас.

Если вздумается писать, то на имя Метелицина, это в том случае, если письмо может поспеть к четырехугольнику.

Теперь всего себя отдам своей «возлюбленной». В случае, если опять не выдержу, как-нибудь напишу. Если приеду, то не для Вас прежде всего, как приезжал на этот раз.

Матвей.

12.

Даты нет.

(...) Спешу удовлетворить любопытство: живу где — день, где — ночь. Объехал пол-России, объ-

* Матвей цитировал слова Чацкого на память, сохрания смысл.

У Грибоедова в «Горе от ума»:

Aх! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

еду, наверное, и всю. Заделся профессиональным революционером: бываю и в городах, и в селах, фабричных и не фабричных, и в деревнях больших и маленьких. Спал иногда под стогом, а теперь сплю всегда в доме, считаю, что под стогом неудобно. В Иванове иногда бываю, был даже в Кохме, но в Ш(уе) не был, хотя меня там и видели 4-го, когда я был в Москве. Очевидно, меня хорошо помнят...

Определение «забытая» неуместно. Писать не мог, куда — не знал. Иногда спрашивался у К(рюко)ва. Но с ним правильной переписки не было. Что случилось с той, которая говорит «когда-то твоя?» Я знал ее иной. Я помню, что она способна даже была на такой риск, как свидание в «клоповнике»*, которого нужно было испрашивать у начальника всех «клоповников» данного района. А теперь? Но нет! Я не хочу верить, что все умерло, что меня не хотят видеть, слышать, что «как живешь» только простая видимость, что это не просто любопытство. Хочу верить, что все будет так, как нужно и как я надеялся, что двухвершковые письма — недоразумение, что холодность — ни больше ни меньше, как неуверенность и т. д. и т. д.

Если угодно, адрес для писем: Тейково, к(онто)-ра фабрики А. Карапникова — Федору Федоровичу Метелицину для А.

Пока до свидания. Матвей.

13.

Даты нет.

Дорогая Катя!

Прости, что письмо было сплошь упреками и только. Но для того, чтобы осудить, необходимо знать, какое неприятное впечатление произвел на меня двухвершковый клочок. Безусловно, мне должны были показаться странными подобная краткость и чрезвычайная холодность. Ко всему этому нужно добавить неприятный, скорее неблагоприятный ход организационных работ в том районе, откуда я только что приехал в Иваново. Кроме того, не нужно упускать из виду и того обстоятельства, что даже в Иваново я рисковую; и вот тут-то приходилось проводить митинг-налет. Масса совершенно незнакомых, город знаю плохо; каковы полицейские условия — совершенно не знал. Все это вместе и создало известное настроение и дало тон всему письму.

Да и вообще за последнее время я страшно поизнервничался. С одной стороны — известное желание побывать «у нас», увидеть своих, брата в особенности, еще больше, пожалуй, желание тебя видеть; с другой — полнейшая невозможность сделать что-либо в этом направлении, в то же время необходимость работать, хотя бы даже и хотелось отдохнуть. Известная ответственность, запросы и требования со стороны массы и к(оммунис)тов... Волна захватывает и заставляет позабыть даже тебя... Однако я большой эгоист. Позабыл даже поблагодарить за это письмо. Оно меня очень порадовало. Каждое слово говорит о той Кате, которую я знал, а не о той чужой, приславшей 2 вершка бумаги.

Поблагодари Л. Ш. и Т. С. Только напрасно ты им сказала обо мне. И так, кажется, полгорода знает, что «там»** меня нет. Не желательно, чтобы знали еще «где» я. Относительно времени и места свидания трудно что-либо сказать. Да, время назначать не могу из тех соображений, что прежде, чем

письмо попадет в твои руки, его могут прочесть жандармы. Всего лучше свидание можешь назначить ты. Ты лучше знаешь местные условия.

Матвей.

14.

Даты нет.

Милая!

Неужели все кончилось? И разве я только один виноват? Да, пожалуй. Я... один я. Но условия для этого создались не там, где ты их видишь. Знала ли ты, что я не мог в тот момент даже и на минуту остаться без уважительной причины? А степень уважительности зависела не от того, насколько я находил это уважительным, а от того, как на это посмотрят товарищи, взявшись доставить мне ночевку и рисковавшие провалиться со мной... Мог ли я задерживать тех, которые для меня готовы были сделять все, несмотря на риск? Как ты думаешь?

(...) Представляешь меня всего моей «первой возлюбленной». Я в свою очередь представил бы тебя твоим «возлюбленным», которых у тебя больше, например, вечера, танцы, гуляния и так далее... Разумеется, твои возлюбленные более благодатны, чем моя, давшая мне право жить зайцем, вечно впроголодь, вечно посылающая под казацкие плети, грозящая каждую минуту тюрьмой и в будущем обещающая наградить пулей или пеньковым галстуком, сиречь виселицей.

Вывод из твоего письма следующий: поумнела практическим умом, подсказывающим, что от меня ждать нечего, что я «бывший человек», с которым порядочной девице общего иметь ничего не следует, ибо на это посмотрят со стороны «разные знакомые» не сквозь пальцы, а только отрицательно.

В разрыве же, желательном для тебя, виновата только ты, я его не хотел — хватался за соломинку, чтобы только удержать ту, для кого и рисковать было так сладко. Насчет любви скажу — тот больше и неприворно любит, кто больше делает хотя бы для того, чтобы увидеться. Ты всегда не хотела этого, даже, когда я спрашивал о времени и месте, ты писала — нет. Потому, что ты понимала, что я увижу фальши. А, да что тут! А вернуть, так хочу, как не хотел никогда.

Если верно, что любила, приезжай! Не приедешь, буду знать, что все, что написал — верно и что я прав. И тогда только — прощай.

А пока до свидания. Матвей.

15.

Даты нет.

Катя!

(...) Ты должна приехать. Я напомню тебе твое собственное выражение: «Как люблю я, когда ты так приказываешь». Ты это говорила, и вот я приказываю: «Моя милая, приезжай»...

Жду. Матвей.

(...) Да, я посыпал еще письмо, которое, может быть, не поспеет. Бери в нем только стороны положительные, отрицательные не нужно... Матвей).

16.

Даты нет.

Моя дорогая Катя!

(...) Удивляюсь приятно, что ты полемизировать научилась и очень удачно, приходится признаться.

* Вероятно, комната для свиданий в тюрьме.

** Матвей имеет в виду место ссылки.

Например, хороша твоя ориентация, когда ты доказываешь, что опасения мои относительно провала адреса не выдерживают критики...

Огорчает меня твоя немилость ко мне. Зачем поцелуй только за 200 верст, подумай, что мне от них. И почему такое жестокое «не буду». И так категорически!

Я, оказывается, полнейшая противоположность тебе... Поцелуй на бумаге не есть поцелуй. Такой поцелуй есть имя существительное, которое есть название предмета, существующего в мире. Я же признаю поцелуй, который есть действие (хотя и не глагол). Итак, да здравствует «поцелуй»-действие, дойдя «поцелуй»-существительное.

До свидания.

17.

Даты нет.

Дорогая Катя!

(...) Долго оставаться здесь нельзя. Милая, пиши больше. Все, что напоминает о тебе, для меня так дорого. И, опять повторяю, как счастлив я, когда вижу тебя, но не желаю подвергать тебя какому бы то ни было риску.

Тебе кланяются здешние.

18.

30 марта 1907 года. Муром.

Дорогая Катя!

Сейчас только получил твое письмо и спешу ответить. Собственно, отвечать, пожалуй, и нечего. Но считаю долгом сообщить, что все ж таки адрес я, вероятно, сменю, и на этот раз самым коренным образом. В воскресенье буду во Владимире, оттуда вернусь, наверное, но оставаться здесь больше невозможно. Можно еще раз писать по старому адресу, но с тем расчетом, чтобы мне получить не позднее среды, желательно бы и раньше. Не удивляйся, если адреса скоро не получишь. Меня беспокоит состояние твоего здоровья. Ты бы обратилась к врачу.

Удивляться, что я пишу на имя Т. В. не приходится. Объясняется это просто: никаких писем я не получал не только от тебя (ты всегда отличалась этим грешком), но я не получал ни от кого, вследствие провала двух адресов...

Когда добуду новый адрес, постараюсь сообщить. В крайнем случае, узнай его от К(рюко)ва. Если у последнего не будет через неделю, значит, что-нибудь случилось. Так я каждый день не уверен, что завтра буду еще на вольной квартире.

Прости, дорогая, что писать больше не могу.

Целую тебя и запрещаю думать даже о каких бы то ни было болезнях.

Матвей.

19.

Даты нет.

Моя дорогая!

Тебе, может быть, кажется странным мое молчание, ты, может быть, и недовольна подобным обстоятельством, но, прости, мне ей-богу нет ни времени, ни даже места, чтобы исправить этот недостаток. Про себя пиши как можно больше. Как проводишь время дома (опиши хоть один день), читаш ли и что читаешь — (название нескольких произведений), каково впечатление от наиболее понравившегося произведения и какой из выведенных писателями тип кажется наиболее оригинальным и по-

чему. Я настаиваю, чтобы это было написано, больше никогда такой работы тебе не задам. Что нового, интересующего тебя?

Дальше, как говорят Ваши дома о Думе и что ты на этот счет скажешь? Вот и все, что мне крайне интересно.

Живу в том же городе. В первое время можно было бы устраиваться с некоторыми удобствами: у меня была постоянная квартира, не требовалось каждый день бегать по ночевкам, и каждый день обедал и пил чай. Потом одна за другой провалились две квартиры... Но ночевки с большим трудом находжу, приходится ночевать версты за три, четыре, в Слободе или Карабарове, обедаю редко, в трактирах нельзя...

...Вот уже из этого ясно, могу ли я писать часто.

Милая Катя, моя покорнейшая просьба, пиши поскорее и потом по возможности чаще. Пиши и тогда, когда я, может быть, на каждое письмо отвечать не буду. Ты знаешь, почему.

Пиши: Овражная улица, в собственном доме — Михаилу Васильевичу Гаврилову.

20.

9 апреля 1907 года. г. Меленки.

Мой дорогой корреспондент!

Ввиду не особенно благоприятных условий, не мог раньше дать своего адреса. Прошлая неделя ушла исключительно на изыскание мер и способов для отъезда. Писать не мог, ибо не знал ни дня, ни часа, когда явится возможность оставить один город, чтобы перебраться в другой. Дороги были непроезжими для тех, у кого в кармане одна трешница. Только вчера представился благоприятный случай переложить эту трешницу из моего кармана в карман ямщика, и я на новом месте (хотя уже во второй раз).

Однако довольно! Перемена местожительства в отношении безопасности в высшей степени неудачна. Нужно ж было голодным мужикам Меленковского уезда не вовремя захотелось хлеба. И вот, не считаясь с моим мнением насчет моих личных удобств, они взяли да и потребуй продовольственную ссуду. Но ты знаешь, бунты терпимы быть не могут. Позвали стражников для усмирения в деревню, а в город вызвали солдат из Владимира, да силы подкрепили отрядом конной и пешей стражи из Мурома. Дело осложнили еще общепризнанные бунтовщики — рабочие, вздумавшие забастовать на денек и потребовать выезда из деревни «усмирителей». Уж это не бунт, это — восстание. Распорядительный и находчивый исправник вызвал по телефону оставшихся своих и прибывших муромских охранителей порядка, законности и государственности. Пустили в ход плетки, и началось в городе то, что продолжалось в деревне. Очевидцы рассказывают, что начальник города показал чудеса храбрости, геройски предводительствуя отрядом «усмирителей» и собственно расправляясь с голодными бунтарями — рабочими, восставшими в защиту еще более голодных бунтарей — крестьян. Потом приезжал вице-губернатор, с целью выразить благодарность местным властям за подавление беспорядков, вернее восстания.

Теперь, кажется, начнут искоренять крамолу и уже одного арестовали, предполагается, что в ближайшем будущем возьмут еще по одним версиям 7, по другим — 20 уже намеченных крамольников. А мне, ты знаешь, жить приходится тоже у крамольников, так что неприкосновенность личности тво-

его покорного слуги я не поставил бы и гравенника. Однако есть надежда, что и на этот раз увернусь.

Ты прошлый раз уж больно вздыхала о весне. Вот она. У нас начинается. Ваша Теза, небось, давно прошла. Я заключаю потому, что даже Ока очистилась у Мурома. Стоит чудесная погода, теплая, ясная... Хороши в особенности ночи. В такую ночь, как вчерашняя, к примеру, право не хочется идти на квартиру. Кажется, всю ночь прогулят бы, если бы... Пожалуй, мечтательные «ахи» не доведут до добра. Как ты живешь, дорогая? Надеюсь, ты послушалась и не думаешь о том, что не следует. Я говорю о болезни. Теперь мой приказ слушай. Когда я приеду, ты должна быть совершенно здорова. Я не доктор, чтобы больным делать визиты. Средство от болезней: меньше сидеть дома, больше гулять. В частности, рекомендуются прогулки за город и, главное, продолжительная ходьба. Ты, я вижу, засиделась. А у вас квартира сырья, что крайне вредно. Наконец, позволь себе желать тебе всего хорошего, а паче всего—доброго здоровья и с любовью низкий поклон.

Жму твои руки.

Ждущий выздоровления твоего с нетерпением, а потом и свидания.

Адрес: г. Меленки, Владимирской губернии, фабрика т(оварищества) Меленковской льнопрядильной (ануфактуры), Сергею Измайловичу Ефанову. Фамилию подчеркнуть так, добавлять «для А» не надо.

21.

Ярославль, 9 — воскресенье.

(...) Здесь тоже праздник. И настроение у меня праздничное. Вообрази, сижу в пивной. Ты скажешь — все это так прозаично. Да. Когда я вошел, я был действительно в настроении самом прозаическом, и зашел исключительно только потому, что чувствовал желание пить. Жара у нас — черт знает что... Разгулялись рабочие, и, если бы ты слышала, Катя, какие они чудные песни поют. В особенности на меня сильно повлиял один певец. Пел он хорошо, от души, как говорится. Слов я не помню, но знаю, что в них говорится о разлуке милых...

Я говорил тебе и ты помнишь, думаю, что писать не буду. Почему, спрашивается? Потому, отвечу, что хочу освободить тебя от себя. И поступай так, как для тебя выгоднее, т. е. не выгоднее (слово нехорошо звучит). Делай так, чтобы потом не раскаиваться, сиречь — составляй для себя сама счастье. Обо мне же не беспокойся. Все равно, кроме редких свиданий, я тебе едва ли что могу дать. Прости. Поют: «На том ли поле серебристом»... Не люблю я этой песни. Похоронная она. Знаешь, я больше не могу быть откровенным. Что я не всегда откровенен, не удивительно. Ты — никогда! Откровенной не была: всякие есть люди. До свидания, а может быть — прощай... Как бы желал расцеловать когда-то только мою Катю.

Матвей.

Мне писать: Ярославль, Стрелецкая ул., дом Петрова Е. Я. Каплину (подчеркнуть фамилию обязательно).

22.

Даты нет.

Милая!

Ты пишешь «одно из двух», но тут собственно одно из одного... Итак, по-твоему, у меня один выход — жениться. Обсудим здраво этот вопрос. Я положительно не намерен подвергать тебя опасно-

сти. Такой эгоизм с моей стороны по отношению к тебе, т. е. к той, которую люблю, был бы прямо непростителен. (...) Однако с бумагой у меня совсем нет желания рассуждать, а потому постараюсь дать мне возможность видеть тебя, чем скорее, тем лучше...

Да, кстати, ты все-таки не плачь, черт возьми, плакать нет никакого смысла. Увижу тебя, тогда все решим.

Твой Матвей.

23.

Даты нет.

Дорогая Катя!

Я скажу, что был в четверг, ждал два раза и один раз вечером. Был и в пятницу вечером около дома. Наконец вчера... И никогда ты не поинтересовалась поглядеть на дорогу, где бродила какая-то тень. Теперь я хочу узнать окончательно, желаешь ли ты подвергнуть меня опасности, ибо я каждый вечер, невзирая на погоду, хожу часа по два. Вчера чуть не нарывался на стражников. И сегодня пойду, и каждый день буду ходить, пока не уеду, потому что мне нужно выяснить, конечно, это и для тебя имеет значение.

И самое лучшее переговориш лично. Дело в том, что письменно я могу писать и прямо на квартиру для скорости. Стало быть, письмо может попасть не в те руки... Я ей-богу против того, чтобы такое письмо попадало в руки родителей. Так вот выход: сегодня, если дождя не будет, пройди в 10 часов к Мельничному, от Шмидтовского училища, даже можно раньше несколько. При наличии дождя я приеду к 10 $\frac{1}{2}$ или 11 часам к вам по полотну. А пока, лучше бы только до свидания.

Матвей.

24.

17 сентября 1907 года. г. Томск.

Дорогая Екатерина Константиновна!

Я давно собирался писать тебе и давно бы написал, но условия не позволяли. Меня, видишь ли, не может не интересовать все касающееся тебя. Ты это знаешь. Но меня несколько поразило, что ты не пришла навестить меня в тюрьме*. А я так ждал. Мне просто необходимо было увидеть тебя. Для чего, я не скажу теперь потому, что теперь это не будет иметь смысла.

...Думаю, что между нами возможны хорошие отношения. Лично я не желал бы портить их, по крайней мере сознательно. Ты всегда говорила то же.

Пиши побольше. Адрес, вероятно, знаешь. Я в Томске, в губернской тюрьме. В России быть могу не ранее конца декабря или в январе. Не знаю, поеду ли обратно. Все зависит от многих причин...

Крепко жму твою руку. Матвей.

Еще раз прошу писать, если только можно. Большое спасибо скажу. Делать это так: г. Томск, губернская тюрьма и т. д. следует имя и фамилия Вашего покорного слуги.

Привет от меня Елизавете Семеновне.

* В Ярославле Матвей Цаплин после митинга на фабрике «Большая Ярославская мануфактура» (не позднее 17. IX. 1907 г.) был схвачен агентами тайной полиции и снова выслан в Томск, затем в Нарым.

7 февраля 1908 года. Тогур.

Дорогой Николай!*

С этой почтой от тебя не получил письма... От М. А. тоже ничего. Я узнал от Семена, что он очень важное письмо не получил. В том же духе писал я и тебе. Это, вероятно, в октябре было. Если ты не получил, то не удивлюсь, что тебя допрашивали. Письмо с адресом мадам Александровой, скверно, если провалилось. Да и тебе неприятность. Теперь вот что. Дай какой-нибудь другой адресок. Ну хоть кого-нибудь из ребят.

(...) Сообщаю, что в половине марта почта перестает функционировать месяца на два. Поэтому писать не особенно надо. Эти два месяца — самое тяжелое время. Ни газеты, ни письма, ни даже казенного пособия. Я не живал, не знаю, но говорят — голодать приходится. Вот если ходы разыщешь, нельзя ли будет помочь. Кстати, ни у меня, ни у Петра сапог нет. А грязь здесь большая. Однако, кажется, трудно это, судя по письму Семена, который высказал взгляд М. А. на этот предмет. Времена, говорит, тяжелые...

Матвей.

После окончания срока ссылки М. К. Цаплин остается в Томске. Находясь на легальном положении, под негласным надзором полиции, он устанавливает связи с местными организациями РСДРП, стремясь внести свой вклад в активизацию революционного движения в Сибири.

* Письмо отправлено с места ссылки в адрес Николая Александровича Закорюкина, через которого шла нелегальная переписка и передачи.

В 1916 году Матвей Константинович приезжает на Алтай и становится одним из руководителей барнаульских большевиков, а позднее — активнейшим организатором Советской власти.

В одном из выступлений он сказал: «Советская власть должна коренным образом изменить существующий порядок управления и то положение, когда над большинством управляет меньшинство. Может быть, народ допустит те или иные ошибки в строительстве, но в процессе творчества, работы эти ошибки сам народ будет исправлять. Только эту власть понимает народ и за нее ведет борьбу...»

Матвей Константинович пользовался заслуженным авторитетом и любовью у рабочих и крестьян Алтая, товарищей по борьбе. Его люто ненавидели враги Советской власти. И когда в 1918 году он оказался в застенках контрреволюционных мятежников, они получили возможность свести счеты с Цаплиным, изощренно издеваясь над ним.

И. В. Присягин, забывая о своих муках, тайно посыпает из тюрьмы оставшимся на свободе большевикам Барнаула записку, полную заботы и тревоги за Матвея Константиновича: «Товарищи, нужно приложить все усилия к освобождению Цаплина. Ему первому грозит опасность быть убитым...»

Предотвратить расправу не удалось.

Имена М. К. Цаплина и других борцов за Советскую власть стали символом мужества, стойкости, отваги.

В трудные дни Матвей Константинович говорил товарищам: «Надо чаще думать о будущем, чтобы прибавилось сил в борьбе. А будущее — не за горами. Оно такое прекрасное, что и в мечтах его вообразить невозможно».

Мы живем сейчас в то прекрасное время, о котором мечтал Матвей Константинович. Оно пришло не само собой. За него боролись, терпели лишения, шли на смерть лучшие сыны нашей Родины, верные ленинцы, такие, как М. К. Цаплин.

ПУБЛИКАЦИЮ ПОДГОТОВИЛА А. ЧЕРНЫШЕВА,
НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ПАРТИЙНОГО АРХИВА
АЛТАЙСКОГО КРАИКОМА КПСС